
Андрей ГУЩИН

* * *

Встрепенешься, словно птица —
Не иначе злые дети, —
И, нахохлившись, забиться
Тщишься в темные заклеты.
Бунтовщик владеет степью,
Подбирается к посадку,
Ушлому уже отребью
Так и надо, так и надо!
Поделом муке, и мука —
Перемалывайся в пудру.
Василиса пьет самбуку,
Краснощека и премудра.

ОДИССЕЙ

Гроза кует клинок булатный,
Гремит перун, трясется хата.
Герой отменно бородатый,
Слегка поддатый.

Родные лары и пенаты
В судьбе его не виноваты.
Пустеют милые аллеи
И пропилеи.

Темнеет. Поздно пить боржоми,
Харе скитаться и пижонить.
Пора контуженному мужу
Сойти на сушу.

ГУАБ

Сенкевич оказался прав —
Среди песков течет Гуаб,
Одна зловещая река.
Ее вода на вкус жестка.

Андрей Гушин — поэт, главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш». Родился в Ялте. Живет в Киеве. Автор поэтических книг «Атлантические песни» («Траверса», М., 1999), «Солнечный остров Буян» («Водолей», М., 2012), «Сизиф на вершине» («Алетейя», СПб., 2018). Публиковался в журналах «Нева», «Крещатик».

Живот напалмом обожжет,
Лишь только смочишь сохлый рот
В пустыне мертвой у реки,
Где удят кости рыбаки.

Слоны огромные, как дом.
Туманы едкие, как дым,
Моряк отчалить был не в силах —
Остался вечно молодым.

* * *

В стене откроется пролом,
В него просунет рожу варвар,
И запыляет сущий Тартар
Константинопольским огнем.

В сердцах — смятение, испуг.
Часы упадка и позора.
По обе стороны Босфора
Господствует башибузук.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Так цвет утрачивает волос,
А речь утрачивает голос,
И прорва ширится над рожью.
Как от укуса, пухнет рожа.

В давно покинутом заводе
Девушка стонет, леший бродит.
Поскрипывает половица,
И ноет на грозу ключица.

Уткнусь в распаренную землю,
Шумам и скрипам жадно внемля,
Вдохну мазутный влажный смрад,
Как Лев Толстой — иллюминат.

Положишь руку на плечо,
Твое дыханье горячо.
Забора ржавого по-над
Инжир и дикий виноград.

КОЛЬСКАЯ СВЕРХГЛУБОКАЯ

А на Кольской скважине — тишина.
Дым похож на статую с бодуна.
Из потемок слышится детский смех,
Голосуйте правильно — против всех.

Гложет ширь небесная, глубина,
Что в зрачках хоронится ведуна.
Расскажи мне, дедушка, на духу
Как живется-можетс наверху.

На жемчужных промыслах тушат свет,
И поморской говори больше нет.
Валуны белесые, край земли,
Небеса как острые хрустали.

Время застряло, словно разбитый газик.
Если тошнит — скорее несите тазик.
Ставьте укол и ласковую подножку.
Теплые встречи, проводы по одежке.

Пух тополиный, косная речь арыка.
Груды девичьи, мартовская клубника.
Хны арсенал велик, и щедра природа,
Ни басмачей, ни чучел на огородах.

* * *

Жил-поживал, сживал со свету
Других. Читал «Роман-газету».
Очнулся. Что за Кастанеда?
Твое купе у туалета.
Учись на собственном примере:
Отмерен век, и пульс измерен.
Злосчастный дух в убогом теле,
Как раб последний на галере.
А что в итоге? Ничего.
Морока, каша, квипрокво.

* * *

Я сделан из стекла — разбей меня на счастье.
Я разлечусь на части, бозоны барахла.
И будет гай шуметь, народ пойдет по водку
Вихлястою походкой, грудь станет холодеть.

И ты поймешь тогда, что, потерявши, плакать
Не стоит, поезда по рельсам будут звякать.
«Иметь или не иметь» — Хемингуэй вам в помощь.
Полетят с кленов медь — а ты почти что овощ.

* * *

А зори здесь розовые,
А зори тихие,
Бюсты бронзовые,
И взоры свих...

Пиррихии, арии,
Блатные, парии,
Худые парни
Идут из армии.

Британцы глянцевого,
Шмаль сигареты.
До света танцы
В придачу к этому.

Глаза раскосые
В потеках лета
На все вопросы
Дают ответы.

* * *

Не гай шумит, не зверь ревет —
Люд на груди рубаху рвет.
Ведом намерением благим,
Он претя к берегам другим,

Где все ништяк и все путем
И где старик — опять дите.
Ни воздыхания, ни зла —
Одна сыпучая зола.

* * *

Греция. Море. Грация мира.
Лоция в каплях курдючного жира.
Додона, Эпир, кружевная Керкира.
Полые ниши отживших кумиров.

Прошлого клочья, смуглые лица.
Сплошь — червотчины и небылицы.
Нужно бы срочно отсюда слиться.
А можно остаться и снова родиться.

* * *

И горе не беда, что пуще
Гроза бушует, плющит кущи
Под гуд невидимых трембит.
Небесный пир гремит и вздорит,
Стакан пустой по новой нолит,
Звезда падачая искрит.

Колымит под сурдинку ветер —
Уносит листья и столетья,
И сполох жжет чертополох.
Одесса вертится и пашет,
Смеется невпапад и пляшет,
Как выкрещенный скоморох.